

Ляшов Н. Н.,
кандидат філологічних наук,
доцент кафедри українського мови і літератури
Донбасського державного педагогічного університету

«ОПЫТЫ» И «ХАРАКТЕРЫ»: КОММУНИКАТИВНЫЙ ДИСКУРС

Аннотация. Статья посвящена выявлению коммуникативных связей произведений французских писателей М. Монтеня и Ж. Лабрюйера. Осмыслена преемственность дискурсивных тенденций в «Опытах» и «Характерах», а также установлены общие и индивидуальные доминантные связи во взглядах писателей на природу человека.

Ключевые слова: французская литература, писатель, М. Монтень, Ж. Лабрюйер, поздний гуманизм, поздний классицизм.

Постановка проблемы. Психологическая глубина и многогранность, философские и гуманистические мотивы мировой литературы являются ключом для моральных, духовных, этических, психологических проблем в жизни человека, его нравственным фундаментом. Совершенству формы и глубокой правдивости в описании человеческой природы посвящали свои произведения многие писатели мира. С позиции литературоведческого анализа значима не только оценка концептуальных или мотивационных временных моделей этого тематического вектора, но и выявление системы в содержательной модели литературных произведений, которые помогают осознать преимущества и недостатки их личности, оценить свои желания и стремления, отыскать свое жизненное предназначение.

Цель статьи посвящена выявлению коммуникативных связей произведений французских писателей М. Монтеня и Ж. Лабрюйера, осмыслению преемственности дискурсивных тенденций в «Опытах», обозначенных периодом позднего гуманизма и «Характерах», которые написаны в период позднего классицизма, установлению общих и индивидуальных доминантных связей во взглядах на природу человека.

Изложение основного материала. Среди основных литературоведческих проблем выделяется соотношение ренессансных традиций с ведущими тенденциями литературной жизни XVII в. Известно, что ренессансная традиция прокладывала в русле своего формирования качественно новую модель мироздания. Эта модель заключалась в представлении о человеке, человека о себе самом и окружающем его мире, а также о принципах нормативно-ценностного, нравственного и морального мироздания. Важную роль в развитии французской литературной прозы сыграла гуманистическая литература, которая стала продуктивным началом развития философско-моралистического направления, ярким представителем которого был Мишель Монтень. Мишель Эйкем де Монтень (Michel Eyquem de Montaigne, 1533 – 1592) сосредоточил свое внимание на природе человека, как на моральной личности. Он написал уникальное морально-философское произведение «Опыты» («Essais»), работа над которым продолжалась 23 года. Название книги М. Монтеня сконцентрировано вокруг его философских взглядов, а содержание по-

дано в свободной, простой, доступной форме, раскрывающее важнейшие идеи эпохи Ренессанса.

Для изложения своих мыслей М. Монтень создал особую форму фрагментно-мозаичных записей. Такая форма стала основой для новой манеры, отмеченной характерной индивидуальностью. Анализируя концепт единственного произведения французского писателя, исследователи отмечают, что оно вообрало в себя особенности французской прозы второй половины XVI столетия. «Опыты» одновременно и запись-дневник подобно дневнику Летуаля, и мемуары, как мемуары современников его, и художественный перевод, как Плутарховы жизнеописания Амио; в нем острая насмешка памфлетиста и глубокомысленная эрудиция Паскье или Амбруаза Паре. Но вместе с тем, это глубочайшее осмысление античной философской мысли, а также проникновение в сущность проблем и задач своего времени, своего народа [2, с. 58].

Важной составляющей писательского таланта М. Монтеня является то, что он меньше всего думал о красотах стиля и старался в непритязательной форме изложить свои мысли, наблюдения, рассказать о событиях и фактах, воспроизвести в точности слышанное слово, нарисовать живую, законченную картину. Читая «Опыты», мы обнаруживаем, что главы не связаны между собой, как бы смонтированы из отдельных кусков, возникших из-под пера автора по случайным поводам. Например, между рассуждением «О стойкости» и «О том, как наше восприятие блага и зла в значительной мере зависит от представления, которое мы имеем о них», вдруг возникает глава «Церемониал при встрече царствующих особ»; рядом с размышлениями «О ненадежности наших суждений», предшествуя исследованию «О старинных обычаях», появляется подборка сведений из античных и новых авторов «О боевых конях». После обстоятельного рассуждения «О родительской любви» Монтеня внезапно заинтересовал вопрос об оружии у разных народов разных времен и т. д. [10]. Секрет в том, что текст передает естественный процесс думания автора, спонтанность его мыслей.

Сфокусированность М. Монтеня на латыни проявляется на каждой странице произведения. Он любил радостную, искусную плавность Овидия, ему нравилась «утонченность» в поэзии Лукана, автора поэмы «Фарсалия, или О гражданской войне». Он очень ценил «силу зрелую и устойчивую» в поэзии Вергилия. Был в восторге от Плутарха. М. Монтень провозгласил себя последователем философии древнегреческого мыслителя Пиррона (основателя скептицизма), призывавшего своих учеников не только уклоняться от участия в событиях, но и воздерживаться от суждений, поскольку нет никакой уверенности в достоверности истины. Образ Пиррона автор создал в своей Апологии Раймунда Сабундского [7, с. 127].

Логично, что непрерывное поддержание общения с мудростью древних, стало следствием того, что М. Монтень ис-

кал образцы «беспредельно богатых душ прошлого» у античных авторов или невольно переносил в свою книгу те черты, которые его в них восхищали. Например, автор, рассуждая о заповеди Платона «Делай свое дело и познавай самого себя», поясняет: «Каждая из обеих половин этой заповеди включает в себя и вторую половину ее, и таким образом охватывает весь круг наших обязанностей» [6, с. 18]. Его произведение воспринимается, как увлекательное собрание сентенций и удивительных исторических эпизодов, пестрящих цитатами. В связи с этим важным средством установления доверия к философским размышлениям французского писателя являются ссылки и цитаты из античных сочинений Тита Ливия, Тацита, Аристотеля, Аркесилая, Бианта, Свида, Катулла, Меландра и многих других древних авторов.

Обращает на себя внимание то, что книга полна многозначительных картин, в центре которых – Человек. М. Монтень сконцентрировал свои мысли на характерах, привычках, вкусах, манерах, настроениях, телесной и духовной его природе. В своих философских размышлениях он призывает судить о человеке по свойствам его души: «Какая душа у него? Прекрасна ли она, одарена ли способностями и всеми надлежащими качествами? Ей ли принадлежит ее богатство или оно заимствовано? Не обязана ли она всем счастливому случаю? Может ли она хладнокровно видеть блеск обнаженных мечей? Достаточно ли в ней уверенности, уравновешенности, удовлетворенности?» [6, с. 328]. Автор подчеркивает, что только с этих позиций раскрывается истина существующих громадных различий между людьми.

Размышляя о поступках человека, он утверждает о том, что сколько поступков, столько требуется и суждений о каждом из них, и недостаточно судить о человеке по его внешнему поведению, необходимо проникнуть в глубоко скрытые мотивы поведения: «не дело зрелого разума судить о нас поверхностно лишь по нашим внешним поступкам. Следует искать внутри нас, спустившись до самых глубин, и установить, от каких толчков исходит движение, однако принимая во внимание, что это дело сложное» [7, с. 14].

Следует отметить, что в одном лице автор совместил и профессионального философа и художника. Свои философские рассуждения писатель оформляет художественным, метафорическим, образным и эмоционально окрашенным поэтическим языком. Приведенные им для аргументации своих мыслей примеры часто представляют собой образцы настоящей художественной прозы. Например, в главе «О том, как надо судить о поведении человека перед лицом смерти» он говорит, что трудно бывает человеку примириться с мыслью о наступающей последней минуте жизни. Эта мысль не нова. Но М. Монтень рукою художника набрасывает облик умирающего человека, несколько штрихов – и мы слышим шепот больного и слова надежды на краю могилы: «Другие были больны еще тяжелее, а между тем не умерли. Дело обстоит совсем не так безнадежно со мной, как это представляется. Что ж! Бог немало совершил чудес...» [7, с. 322]. Замечая образность и эмоциональность суждений М. Монтеня, французский исследователь Пьер Виллей сравнивал его с поэтом. Он утверждал, что до девятнадцатого века во всей французской литературе не было, пожалуй, более великого поэта, чем этот философ [3]. Также, Ф. Грэй в книге «Стиль Монтеня» видит художественную сущность в поэтической, образной, эмоциональной форме самого метода мышления Монтеня.

Он утверждает, что образы Монтеня философичны по содержанию и поэтичны по своей природе, это свободное парение ума, это не просто мысли, а поток мышления [2, с. 83].

М. Монтень много писал о себе. На страницах «Опытов» он аргументирует цель самопознания, иллюстрирует то, как нужно познавать самого себя, присматриваться, наблюдать, выслеживать самого себя с близкого расстояния, наблюдать в себе как положительные, так и отрицательные черты. В первую очередь, это осязаемое раздвижение тематического горизонта «Опытов». Не только собственное «я», но и вся преломляющаяся сквозь его призму окружающая действительность, и, прежде всего, нравы современников находятся в центре внимания мыслителя. Он писал о себе с поразительной откровенностью самоанализа: «Люди обычно разглядывают друг друга, я же устремляю мой взгляд внутрь себя: я его погружаю туда, там я всячески тешу его. Всякий всматривается в то, что пред ним: я же всматриваюсь в себя. Я имею дело только с собой: я непрерывно созерцаю себя, проверяю, испытываю самого себя» [7, с. 389]. Повествуя о себе, он заявляет, что любит науку и почитает тех, кто ею владеет, подчеркивая: «...когда наукой пользуются как должно, это самое благородное и мощное из приобретений рода человеческого» [8, с. 185].

Тесно связаны с традициями гуманистической мысли и педагогические суждения М. Монтеня, которые изложены в главе «О воспитании детей» [6]. Он акцентирует внимание воспитателей на всестороннем развитии личности ребенка, на формировании у детей интеллектуальных способностей, нравственных и эстетических потребностей, не забывая и о физическом их развитии, а также скромности и порядочности. Приведем несколько интересных его суждений и наставлений, которые актуальны и в настоящее время: «Порицать в другом свои недостатки, думается мне, столь же допустимо, как порицать чужие в себе. Обличать их следует всегда и везде, не оставляя им никакого пристанища» [6, с. 190]; «следует неизменно стремиться к тому, чтобы направить детей в сторону наилучшего и полезнейшего» [6, с. 192]; надо предоставлять «ребенку возможность свободно проявлять свои склонности, предлагая ему изведать вкус различных вещей, выбирать между ними и различать их самостоятельно, иногда указывая ему путь, иногда, напротив, позволяя отыскивать дорогу самому» [6, с. 194]; «пусть совесть и добродетели ученика находят отражение в его речи и не знают иного руководителя, кроме разума. Пусть его заставят понять, что признаться в ошибке, допущенной им в своем рассуждении, даже если она никем, кроме него, не замечена, есть свидетельство ума и чистосердечия, к чему он, в первую очередь, и должен стремиться» [6, с. 201]. Обосновывая свои мысли, он считает, что везде одна и та же человеческая природа, где все идет своим ходом. Кто познает, какая она ныне, тот сможет сделать правильные выводы о прошлом и будущем. Такова логика гуманистической философии М. Монтеня, которая соединяет мысли и конкретные дела, события и факты, а индивидуальная судьба, о которой писатель поведал, отражает эпоху.

Актуализируя концепт французской литературы периода позднего классицизма, замечаем, что традиции ренессансного реализма XVI столетия были продолжены в художественной прозе этого периода и существенно расширили ключевые положения и взгляды на нравственность. Динамика развития

общества в целом и отдельной личности достигает расцвета в XVII веке. Французский классицизм во многом отталкивался от литературы Ренессанса, но и выдвигал качественно новые задачи, методы, акценты литературной работы. По утверждению С. Артамонова [1, с. 109–110] «Опыты» способствовали становлению ряда новых литературных и литературно-публицистических жанров. Под воздействием «Опытов» возник не только жанр эссе (М. Монтеня называют «отцом современной эссеистики»), но без Монтеня был бы немислим расцвет моралистики во французской литературе XVII в. Заключенное в его единственном произведении мастерство, соединяющее жизненное и философское углубленное осмысление авторского «я» в особом индивидуальном ракурсе, оказало воздействие на творчество представителей французского классицизма. Среди знаменитых поклонников М. Монтеня в XVII в. во Франции можно назвать Лабрюйера, Мольера, Лафонтена. Влияние гуманистической концепции было широким и значительным.

Ж. Лабрюйер – представитель позднего классицизма, но в его взглядах много общего с взглядами М. Монтеня. Также как и М. Монтень, он увлекался писателями древности и обратился к античному источнику для создания своего единственного произведения. Жан Лабрюйер (Jean de la Bruyère, 1645–1696) в 1687 году опубликовал книгу «Характеры Теофраста, перевод с греческого» («Les Caractères de Théophraste, traduits du grec»). Со временем этот труд претерпел множество изменений, вообрал традиции и многообразный опыт духовной культуры позднего классицизма. Первоначальный замысел простого перевода текста древнегреческого философа, ученика Аристотеля, в конце концов вылился в самостоятельное оригинальное произведение – «Характеры, или Нравы нынешнего века» («Caractères et les Mœurs de ce Siècle»). Давая новое название своей книге, автор, по-видимому, исходил из названия книги Соломона «Притчи» [11, с. 197]. Объемная книга Ж. Лабрюйера состоит из шестнадцати глав, которые точно соответствуют своим названиям. Моральный трактат греческого философа IV века до н. э., в котором Лабрюйер нашел искусные зарисовки людей, наделенных различными пороками, сыграл известную роль в концепции его «Характеров», которую автор сформулировал так: «...Чтобы достичь совершенства в словесности, и превзойти древних, хотя это очень трудно, надо начинать с подражания им» [4, с. 28].

«Опыты» М. Монтеня и «Характеры» Ж. Лабрюйера разделены столетней историей. Стал ли Человек за это время добрее, нравственнее, чище? Ж. Лабрюйер, рассуждая о нравах своего общества, не считает, что они идеальная норма. Он, развивая эту мысль, утверждает, что у людей нет вечных нравов и обычаев, они меняются вместе со временами, и «довольно и двадцати лет, чтобы люди изменили свое мнение о самых важных вещах, даже о таких, которые казались бесспорными и неизменными» [4, с. 299]. «Следы характеров и мыслей» – вот предмет внимания автора. Наблюдение и общение с окружающими людьми дало возможность автору сделать некоторые выводы о проблемах нравственности: «пороки порождаются развращенностью души; недостатки – порочностью характера; смешные стороны – недостатком ума» [4, с. 287]; «резкость, грубость, неотесанность – это пороки, от которых иной раз не свободны даже умные люди» [4, с. 287]; «талант, вкус, ум, здравый смысл – все это различные, но вполне совместимые достоинства. Между здравым

смыслом и хорошим вкусом та же разница, что между причиной и следствием. Между умом и талантом то же соотношение, что между целым и частью» [4, с. 289]. Его характеры – воплощение определенного порока, страсти или социального положения.

Текстовая реальность в целом предоставляет нам авторскую дискурсивную форму, которая воплощает особый взгляд на реальность, концептуальное содержание отдельных фраз, особый дух суждений. Подчеркнем, что по своему стилю и по высказываниям он довольно близок к М. Монтеню [11, с. 202]. Ж. Лабрюйер стремился к общечеловеческой универсальности типов, классифицируя свои характеры по сословным признакам. Через все произведение выстроена длинная, реалистическая галерея портретов, на которых вполне законченные зарисовки ростовщиков, монахов, вельмож, крестьян, ханжей, льстецов, лицемеров и др. А также разные пласты социальной иерархии французского общества. В текстовом полотне литературные портреты скреплены между собой рассуждениями автора, которые оформились в эпиграммы, размышления, новеллы, диалоги. Заметим, что представленное автором такое богатство характеров, в основном безнравственных и порочных, объясняется тем, что излагая свои мысли, Ж. Лабрюйер стремился «показать открывшуюся ему истину в таком свете, чтобы она поразила умы» [4, с. 34].

В пространстве дискурсивной объективности и с позиции реалистических тенденций интересны рассуждения Ж. Лабрюйера о писателях, как предшественниках, так и современниках. Этим самым он расширяет содержание классицистической системы по сравнению с тем, как она представлена, скажем, у Корнеля, Расина или Буало, а также вводит в нее ряд собственных принципиально новых моментов. Прежде всего, он пишет о Монтене, отвечая на критику, считает, что его предшественник не оценен по достоинству: «...я тоже считаю, что Монтень не свободен от недостатков, но они, видимо, вообще нисколько его не ценили. Один из них недостаточно мыслил, чтобы ценить автора, который мыслил много; другой мыслил слишком утонченно, чтобы ему могли нравиться простые мысли Монтеня» [4, с. 37]; а Ронсар и Гез де Бальзак, по мнению Ж. Лабрюйера: «...каждый в своем роде отличались такими достоинствами и недостатками, которые не могли не способствовать появлению после них великих писателей как в прозе, так и в поэзии» [4, с. 36]; особенно трудно понять ему Рабле: «что бы там ни говорили, его произведение – неразрешимая загадка» [4, с. 37]; развивая мысль о Корнеле и Расине, он замечает, что «один возвышает нас, повергает в изумление, учит, властвует над нами; другой нравится, волнует, трогает, проникает в душу. У одного – наставления, правила, советы, у другого – пристрастия и чувства. Корнель овладевает умом, Расин потрясает и смягчает сердце. Корнель требовательнее к людям, Расин их лучше знает. Один, пожалуй, идет по стопам Софокла, другой скорее следует Еврипиду» [4, с. 43]; а Декарт нам «советует судить о предмете лишь после тщательного и досконального его изучения; это правило настолько прекрасно и верно, что его следует применять и к нашим суждениям о людях» [4, с. 286].

Будучи воспитателем в семье знаменитого полководца, одного из крупнейших вельмож своего времени, принца Конде, живя в этой семье «столь знаменитой удачливыми вертопрахами, а также блестящей светскостью, жестокостью и

разгульными нравами» [9, с. 61], занимаясь с титулованным учеником – все это не приносило Ж. Лабрюйеру удовлетворения. Его жизнь, несмотря на уважение, которое писатель завоевал благодаря уму и такту, была не лишена трудностей. Автор признается: «Вельможи обладают одним огромным преимуществом перед остальными людьми. Я завидую не тому, что у них есть все: обильный стол, богатая утварь, собаки, лошади, обезьяны, шуты, льстецы, но тому, что они имеют счастье держать у себя на службе людей, которые равны им умом и сердцем, а иногда и превосходят их» [4, с. 190]. В таких суждениях проскальзывает обида человека, познавшего в силу своего зависимого положения горечь унижения. Личное чувство писателя придает определенный оттенок описываемым явлениям. Проблема личного достоинства и его несоответствия общественному положению, отражающая собственный жизненный опыт Ж. Лабрюйера, его уязвленное самосознание, лейтмотивом проходит сквозь всю книгу: «Видя, как пренебрежительны иногда со мною и вельможи, и даже те, кто мне равен, я черпаю поддержку и утешение в том, что говорю себе: «Эти люди презирают не меня, а только мое звание – оно и вправду низкое. Будь я министром, они, без сомнения, преклонялись бы передо мной» [4, с. 176]. Но писатель получил возможность великолепно изучить аристократическое общество и круг придворных Людовика XIV. В связи с этим французский критик Ш. Сент-Бев писал, что Ж. Лабрюйер сосредоточил свое внимание не на внешнем блеске, а на внутреннем содержании этого спектакля, на его действующих лицах и извлек неопределимый материал, наблюдая повседневную жизнь этой знатной семьи.

Следует заметить, что социальный опыт определяет удельный вес характера человека, и в то же время оказывает существенное влияние на процесс формирования неповторимой индивидуальности. Сравнивая людей разных социальных положений и различных моральных качеств, Ж. Лабрюйер приходит к интересным выводам, что дурными или хорошими люди делаются не в силу своих природных задатков, а под влиянием тех условий, в которых они живут. Ключевые положения в текстовой реальности «Характеров» – это размышления автора о пороках. В связи с этим он утверждает, что бывают пороки, которыми мы никому не обязаны, ибо они заложены в нас от природы и усугублены привычкой; бывают и такие, которые мы приобретаем, хотя они нам не присущи. Далее он приводит пример: «Иной человек родится приветливым, отзывчивым, услужливым, но под воздействием тех, с кем живет и от кого зависит, скоро изменяет своим склонностям и даже своей натуре, он делается угрюмым, желчным, неузнаваемым, вечно пребывает в несвойственном ему расположении духа и, в конце концов, сам удивляется, когда он успел стать таким черствым и неблагоприятным» [4, с. 234].

Глубокое знание людей своей эпохи позволило Ж. Лабрюйеру извлекать «характеры», поражающие верностью жизни и психологической правдой. А. Моруа справедливо заме-

тил: «Лабрюйер – реалист, такой же, каким был Монтень» [9, с. 70].

Выводы. Система содержательной модели литературных произведений «Опыты» и «Характеры» в их коммуникационной динамике, разделенных столетием, выявила как общие черты, так и отличительные. В аргументации воздействия прошлого «Характеры» Ж. Лабрюйера преемственно связаны с «Опытами» М. Монтеня. В рамках этого диалога объясняется близость основной направленности творчества этих писателей, их стремление реалистично и правдиво изобразить жизнь французского общества и его пороки. Удалось глубоко отразить пространство дискурсивного позиционирования опыта позднего гуманизма и характера позднего классицизма. Они воплотили лучшие свои устремления нравственного и морального мировидения человека и его пороков. Но вместе с тем разум монтеневского человека направлен лишь на поиски истины. А внутреннее состояние лабрюйеровских характеров, их духовный комплекс показан как результат внешнего воздействия, как психологический продукт социального бытия, в котором Ж. Лабрюйер наметил перспективу и выступил предшественником моралистов эпохи Просвещения.

Литература:

1. Артамонов С.Д. История зарубежной литературы XVII–XVIII в. в. / С.Д. Артамонов, З.Т. Гражданская, Р.М. Самарин. – М.: Просвещение, 1967. – 855 с.
2. Артамонов С.Д. Сорок веков мировой литературы. – В 4 кн. – Кн. 3. – Литература эпохи Возрождения / С.Д. Артамонов. – М.: Просвещение, 1997. – 256 с.
3. Villey P. Montaigne en Angleterre. – Revue de deux mondes. – 1913. – Т. 17, 1 sept. – P. 120–122.
4. Лабрюйер Ж. Характеры, или Нравы нынешнего века / Jean de la Bruyère / Перевод с фр. Э. Линецкой, Ю. Корнеева. – М.-Л.: Художественная литература, 1964. – 414 с.
5. Ларошфуко Ф. и др. Суждения и афоризмы / Ф. Ларошфуко, Б. Паскаль, Ж. Лабрюйер; сост., предисл., примеч. Н.А. Жирмунской. – М.: Политиздат, 1990. – 384 с.
6. Монтень М. Опыты : в 3 кн. / Michel Eyquem de Montaigne. Essais / Перевод с фр. А.С. Бобовича. – М.-Л.: Издательство Академии наук, 1954. – Кн. 1. – 558 с.
7. Монтень М. Опыты : в 3 кн. / Michel Eyquem de Montaigne. Essais / Перевод с фр. А.С. Бобовича. – М.-Л.: Издательство Академии наук, 1958. – Кн. 2. – 552 с.
8. Монтень М. Опыты : в 3 кн. / Michel Eyquem de Montaigne. Essais / Перевод с фр. А.С. Бобовича. – М.-Л.: Издательство Академии наук, 1960. – Кн. 3. – 495 с.
9. Моруа А. От Монтеня до Арагона / Андре Моруа. – М.: Радуга, 1983. – 678 с.
10. Рыкова Н. Мишель Монтень (1533–1592) / Писатели Франции / Сост. Е.Г. Эткинд. – М.: Просвещение, 1964. – 699 с.
11. Сент-Бев Ш. Литературные портреты. Критические очерки / Ш. Сент-Бев / Ред. перевод с фр. А. Андерс, И. Лихачева. – М.: Художественная литература, 1970. – 583 с.
12. Спор о древних и новых / Сост., вступ. статья В.Я. Бахмутского; пер. с фр. Н.В. Наумова. – М.: Искусство, 1985. – 472 с.

Ляшов Н. М. «Проби» і «Характери»: комунікативний дискурс

Анотація. Статтю присвячено виявленню комунікативних зв'язків у творах французьких письменників М. Монтеня і Ж. Лабрюєра. Осмислена наступність дискурсивних тенденцій у «Пробах» і «Характерах», а також встановлено загальні та індивідуальні домінуючі зв'язки у поглядах письменників на природу людини.

Ключові слова: французька література, письменник, М. Монтень, Ж. Лабрюєр, пізній гуманізм, пізній класицизм.

Lyashov N. «Esseys» and «Characters»: this is communicative discourse

Summary. The paper represents to identification of communicative relations in works of French writers Michel Eyquem de Montaigne and Jean de la Bruyère. There is understanding of continuity of discourse-forming character in «Esseys» and «Characters» and set general and individual communication dominant in views of writers on human nature.

Key words: French literature, writer, Montaigne M., La Bruyere J., humanism, classicism.